

Алексей Кожевников

12+

A detailed illustration of a brown wolverine standing on a large, weathered log in a forest. The wolverine is shown in profile, facing right, with its body angled towards the viewer. It has thick, dark brown fur and a long, bushy tail. The background features a dense forest with green foliage and a tree trunk on the left. The overall style is realistic and detailed.

Соболёнок

Алексей Кожевников

Соболёнок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51287388

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда-то в стародавние времена на Руси ходили люди промыслом на пушнину, и было это годку этак в 177... , а может, и чуть позже. Много чего рассказывают мудрые звери и животные. Старый олень, разменявший не один десяток рогов, говорил, что лучше всего не встречаться с людьми вовсе. Быстрая куница была не так категорична, поскольку знала – есть люди большие, и есть люди маленькие. Первым доверять нельзя, а вторые – совсем как детёныши, и с ними можно общаться. На вопрос, а общалась ли с ними сама рассказчица, куница обычно разводила по разным сторонам лапки и таинственно улыбалась. Разные слухи ходят о человеке в тайге сибирской. Много небылиц о нём нащёптывают друг другу кроны кедров таёжных и пихт пушистых. То не ветер играет кустами рябины, то множится слух лесной: «Не ходите, зверьё малое и великое, не летайте над реками, впадающими друг в друга на противоположной стороне! Опасно это, либо занято место теперь! И живёт там человек!»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Велика и необъятна Русь-матушка! Много рек, лесов, гор и полей привольно раскинулись на её великих просторах. Окинуть бы всё взглядом с высоты птичьего полёта и сказать восхищённо: «Эх! Как много неизведанных историй и легенд на землях русских!» Сказать бы, да некому слушать слова человеческие на высотах птичьих. Что за невидаль – человек, и вдруг летает! Не смешите зверьё лесное и степное, не пугайте канюков и стрижей – не было такого ранее, сказки всё это!

Однако кто скажет в лесу, что есть сказка, а что быль? Осторожнее с небылицами, аккуратнее с историями – кто знает, что было, что есть и что будет происходить в заповедных лесах...

Птица ли зашумит, качнув ветку осины, заяц ли прыгнет из-под ног случайного путника, медведь ли малину с треском поломает и уйдёт к себе, липкий и довольный... Привычно и обыденно в лесах русских по вечерам алым и ночам тёмным...

Но так бывает не всегда. Солнце выглядывает из-за туч, и наступают светлые деньки, и дрожит на холодном осеннем ветру последний жёлтый лист черёмухи, запутавшийся в паутине с капельками росы, сияющими чистой радугой преломлённых осенних лучей света, и кажется, что вот-вот улетит листок, и опадёт утренняя роса – но нет, держится ведь, играет на ветру.... И зачем, упрямый, висит в лесу осеннем, из последних сил зацепившись за веточку дерева?..

А потом наступают зимние морозы. Леденеют озёра, замерзают поля, леса и реки укутываются пушистым белым одеялом. Иногда снежную перину сносит резкими злыми порывами ветра – и берегись, зверь лесной, степной и воздушный! Холод проберёт до самых косточек, закрутит, завьюжит колючая позёмка – да так, что света белого не увидишь! Ищи тогда непродуваемые ветром места в ветвях и валежниках, выкапывай норы в снегу и другие укрытия – глядишь, и переживёшь непогоду ненастную.

Иногда в зимнем лесу бывает мягко и пушисто. Снег искрится на солнышке, и его хруст под чьими-то лапами или ногами слышится далеко-далеко. В такие дни дым от крестьянских домов поднимается вертикально в небо, принося вкусные запахи, незнакомые зверю лесному, домашней выпечки и других угощений. И выползают из нор рыжие лисы, забавно потягиваясь и дёргая носом в поисках чего-нибудь вкусного. Выходят из леса волки серые – тянет их к жилью человеческому: погреться бы, да не пустят их. И это правильно – нечего зверю дикому, неприрученному делать рядом с человеком.

Вот если бы дружить им между собой, да помогать друг другу, пользу совместную извлекать. Но нет, не хочет человек дружить со зверями лесными, потому что видит в них только добычу. Пытается всеми правдами и неправдами забрать у них шкуры тёплые, да обменять на товары разные, да на деньги сумм немалых.

Не так прост человек, каким кажется он зверью лесному, о нет! Для защиты тела своего он использует тяжёлые плотные шкуры, которые не прогрызаются острыми клыками волка, не распарываются когтями медведя. Для добычи зверья лесного придумал он острые блестящие когтищи и гром-палки страшные. Наставит такую на зверя лесного, двинет под палкой пальцем – и помощи тогда бедолаге вся его резвость и прыткость! От грохота страшных человеческих палок мало кому удавалось сбежать, а те, кто выжил, почитались зверьём лесным как везучими и удачливыми.

Много чего рассказывают мудрые звери и животные. Старый олень, разменявший не один десяток рогов, говорил, что лучше всего не встречаться с людьми вовсе. Быстрая куница была не так категорична, поскольку знала – есть люди большие, и есть люди маленькие. Первым доверять нельзя, а вторые – совсем как детёныши, и с ними можно общаться. На вопрос, а общалась ли с ними сама рассказчица, куница обычно разводила по разным сторонам лапки и таинственно улыбалась. «Маленькие ходят с большими – говорила она. – Отдельно друг от друга их не видела, а так – может, и пообщались бы».

Разные слухи ходят о человеке в тайге сибирской. Много небылиц о нём нашёптывают друг другу кроны кедров таёжных и пихт пушистых. То не ветер играет кустами рябины, то множится слух лесной: «Не ходите, зверьё малое и великое, не летайте над реками, впадающими друг в друга на проти-

воположной стороне! Опасно это, либо занято место теперь! И живёт там – Человек!»

А человек там и вправду теперь живёт. Пришёл туда в поисках меха тёплого да мяса вкусного – ведь и то, и другое охотно к рукам прибирали купцы и перекупщики в ближайшем городе крупном – Томске. Поэтому человек и занял место в лесных окрестностях, поближе к зверью дикому, срубил небольшой дом, обнёс изгородью деревянной, чтобы никто не разорил его хозяйство, и стал жить-поживать, да не один. В помощь ему была жена красавица да дети озорные.

Рядом с домом – огород, а недалеко – небольшое поле, засеянное пшеницей. И работали на поле и на огороде жена молодая да дети помощники. А отец семейства днями пропадал в лесу, занимаясь промыслом зверя.

Купцы платили золотом один к одному за шкуры, и всё равно оставались в прибыли, так как отвозили их в далёкий свет – город Санкт-Петербург и продавали их там по цене заоблачной. Ходят великосветские дамы на балы, сверкают камнями драгоценными, а на плечах – воротники песцовые и соболиные, мужьями любящими купленные за деньги большие у купцов предприимчивых.

Стоит ли говорить, что семья молодая охотника здешнего ходила в нарядах, которым бы и столичные люди позавидовали? Но не было в этом необходимости, то не каприз природы человеческой, в отличие от блеска столицы, а надобность

жѣсткая – морозы сильные и суровые на берегах Баксы¹ и Шегарки не оставляли выбора иного и приходилось одеваться в шубы овчинные.

Соберѣтся вечером вьюжным семья голодная за столом с кушаньем, и скажет Аглая ласковое слово мужу или детям своим, пробурчит что-то в несогласии или в хорошем настроении отец семейства Афанасий. Радостно постучат деревянными ложками младшенькая Дуняша или старшенький Тимофей – а всё одно холодно и промозгло за окном, снежно и колко рисуются узоры на мутном замѣрзшем стекле. Кажется, что в такие вечера нет ничего лучше на целом свете – только дом тѣплый, огонь в русской печи, вкус каши и мяса варѣного и совершенно непередаваемый, но непостижимо уютный запах семьи, дома и ароматного запаха свежего хлеба...

Иногда Афанасий уходил на охоту ночную. Было это делом интересным и опасным, не раз возвращался Афанасий со свежими ранами и новой шкурой волка серого. Не сразу, но понимали лесные жители, что человек – смертельно опасное создание и обходить его нужно стороной. Постепенно доходила до них истина простая – не тронь человека, иначе умрѣшь смертью мучительной! И в последнее время стали прятаться звери лесные и птицы небесные. Только мишка косолапый ходит где вздумается, так как обманчива была его

---

¹ Бакса – река в России, протекает по Новосибирской и Томской областям. Устье реки находится в 213 км по правому берегу реки Шегарка.

косолапость – резко и быстро он мог заломить человека, и не боялся зверь его поэтому, а человек... А что человек? Платил он уважением хозяину бурому и старался не попадаться ему на глаза.

Один раз в месяц, или около того, покидал отец семейства хозяйство своё и отправлялся в путешествие необходимое – в город великий и славный, Томском именуемый. Продавал там шкуры, им добытые в угожьях лесных, а взамен набирал товары разные, да угощения вкусные. И когда возвращался Афанасий к Аглае и детям своим, приносил диковинки разные: то леденцы-петушки на палочке, то платки пуховые, то подсвечники, точёные из дуба лесного и сосны душистой. Радовались тогда дети, от восторга, так как в погоду выюжную или дождливую, холодную витые подсвечники с горящими свечами казались гостями из другого мира, ведь не видели они ранее этого, живя в тайге глухой. Может, поэтому так сладок и приятен им был свет свечи обычной в ночи тёмной и безлунной, когда так хотелось уюта и тепла...

А снаружи всё так же играла непогода, и месяц молодой то показывался, то исчезал в рваном покрывале облаков.

***

Говорят, февраль – месяц выюг и метелей, непогода властвует во всей своей красе. Снежные бури по несколько дней властвуют, накрывая всё пространство вокруг. В этот раз всё было не так. Тяжёлая для всех зима подходила к концу. Че-

рез несколько недель тронется лёд, грохоча и ломая острые кромки, друг о друга упираясь в прочные берега. Раскроются почки, улыбнутся солнышку весеннему первые подснежники. Очнутся от зимней спячки и хищники, и травоядные.

На ветке могучего кедра сидел, сердито нахохлившись, старый филин Мерген². Вокруг голосили пташки, тёплое утреннее солнышко согревало небольшую полянку, на которой чудным образом переплетались кедры, пихты и ели, молодые берёзки и кустарник создавали густой подлесок, росточки первой травы стремительно пробивались сквозь ещё холодную и слабо прогретую землю.

Одна из синичек, щебеча радостно, присела на веточку чуть повыше Мергена. Попрыгав туда и обратно, неуклюже задела пласт тяжёлого, мокрого и колкого снега. Он обрушился на серо-бурого филина, сидевшего в тени дерева на ветке. Синичка, не заметив его, заголосила радостно своим подружкам: смотрите, пернатые, зима закончилась, и ветки деревьев сами холодный снег сбрасывают!

Однако снежный пласт оказался крепким и не рассыпался, как могло бы быть, а налип своей мантией, покрыв Мергена. Он вдруг зашевелился, повернул голову и стряхнул налипший на него снег... Бедненькая, глупая синичка не успела даже чирикнуть, как филин, расправив крылья, поднялся вверх, вытягивая острый клюв и заточенные когти...

Мерген тщательно прожевал комок перьев – питательно-

---

² Мерген – (толкование с тюркского языка) искусный охотник.

сти никакой, только силы свои потратил впустую. Серdito повернулся в сторону берёзовой рощицы, где перепуганные пташки устроили громкий переполох, посмотрел и ухнул – сердито, всем своим видом показывая, кто здесь в лесу хозяин. Сразу затих птичий концерт, и тишина неожиданно опустилась на поляну, даруя старому филину желаемый отдых и покой.

Время тикало в своём неспешном беге, солнышко дневное совершало оборот по небу, а Мерген дремал, прислонившись к стволу нагретого дерева, прячась от ярких лучей под густыми хвойными лапами.

Исхудал за зиму филин, добыча попадалась всё чаще мелкая, да и беспокойно было в этом лесу. «Всему виной странное двуногое создание, – лениво размышлял Мерген. – Ходит по лесу, пугает, гремит и истребляет почём зря». Нет, и сам филин был искусным охотником, но никогда не позволял себе ловить дичь на пропитание в больших количествах и, как казалось ему, всю подряд. Всё честно – есть добыча-еда, есть хищник-едок. «Зачем шкуры забирать, а мясо хищников оставлять, закапывая в снегу, – не понимал старый Мерген. – Кому нужны эти меха, когда добра этого... – филин посмотрел одним глазом вниз, на горку перьев под деревом, – хоть по самый клюв укутайся!»

А ещё конкуренты разные... Мерген сердито заклекотал, взъерошив перья и поводя головой из стороны в сторону. Не волков, не медведей и лисиц не любили совы. Соболи-про-

ныры – вот кто главную угрозу составлял в борьбе нелёгкой за добычу пропитания.

Куныя порода всех красных полёвок – м-м-м, вкуснотища какая! – ловит. Такую хорошо клювом подбросить в воздух, тренируя ловкость свою и когтей цепкость, а потом и заглотить целиком. Но больше всего Мерген не любил соболей за то, что его добычу из-под клюва утаскивали. Казалось бы, бегают себе мышка, бери и ешь на здоровье, а нет! Выскочит из зарослей гибкий хищник и заберёт из-под клюва добычу вкусную, и клацнут когти впустую над ним, ух-ух-у-ух! Пусть бы на белок охотились: эти стрекотуньи быстры и на язычок остры – не дай судьба промахнёшься, так ещё и обсмеют напоследок. Не любил Мерген белок, пожалуй, чуть поменьше, чем соболей, тот много ест их – это да. Филин сердито ухнул и поудобнее устроился на ветке.

Лучик обеденного солнца сверкнул острым когтем, пробивая броню ледяного спокойствия старого филина. Ухнул Мерген громко, и притихла живность вокруг. Расправил крылья охотник ночной, гроза полёвок и зайцев, и отправился в полёт от света подальше для него ненавистного.

Направился филин в сторону устья Шегарки. Не знал он, что неподалёку молодая соболица, отправившаяся за пропитанием, чтобы накормить своего единственного сына, лежит в силках подснежных, и что вечером заберёт её, ослабевшую от боли и холода, охотник Афанасий, и будет рад он удаче, так как шкурки соболиные высоко ценятся в столице губер-

нии Томске.

Не знал Мерген до поры до времени, что в дупле кедровом неподалёку спит маленький чёрный соболёнок – для него добыча вкусная, питательная, безопасная, но... недоступная.

Вдруг тревожный писк раздался в весеннем лесу. Повернул голову филин ловкий и опасный и направился на звук, кем-то издаваемый. И быть бы нашей истории короткой и несчастной, если бы дупло, в котором находился кроха, не было защищено обледеневшим снегом.

Небольшое дупло, из которого доносился тоненький голосок, от голода и холода, страха и отсутствия матери, маленького соболёнка, было в могучем кедре. Лёд покрывал входное отверстие, оставляя лишь маленькую дырочку, впускавшую воздух – только для соболицы молодой проскользнуть навстречу опасностям в поисках пропитания себе и сыну единственному.

Это была не первая охота юной хищницы после снов зимних и ухаживаний за сыном своим маленьким – чёрным, как небо ночное. Молодая соболица рада была и счастлива – оттого довольна, что удалось ей недалеко от дома своего достать глупого бурундука. И нет бы успокоиться на этом – ведь малыш не требует мяса вкусного, а нужно ему только молоко материнское, но ветер донёс вкусный запах, и потянулись лапки сами собой за чутким носом юркой лесной хищницы... м-м-м, как вкусно пахнет еда в центре небольшой полянки, присыпанной ночным снегом...

Шаг, ещё шагок, ещё чуть-чуть, и вот прыжок! Фу-ты ну-ты, успела, схватила! И вот в лапках кусочек мяса, чистого – без косточек – и непонятное, и оттого стало чуточку тревожно. Пора и домой, к сыну маленькому, ждёт ведь с охоты добытчицу мать, наверное, уже исстрадался от голода, если проснулся, разумеется.

Прыжок с центра поляны, ещё один.... Нет! Что это такое?! Почему задние лапки юной соболицы сковала непонятная и страшная тяжесть? Почему не двигаются они? Как такое возможно?!

Поднялась из-под снега ловушка, припорошенная до недавнего времени, бьётся в ужасе неопытная мать, и укатился прочь кусок мяса, ранее так манящий, и взлетел вверх под солнце яркое да небо синее полуденное прозрачными брызгами колкими снег, разворошённый борьбой за жизнь – борьбой непримиримой и обречённой...

Нельзя сдаваться, нет, ни за что! И пусть уже не чувствуется задняя часть тела своего, пусть гибкость уже не та, и пусть глупые птицы злорадствуют неподалёку! Есть шанс, надо перегрызть эту крепкую верёвку... что? Как же так... почему не выходит, что за злобное волшебство – не справляются зубы острые и не поддаётся в бессильных попытках перекусить жёсткая верёвка....

А потом от безысходности пришло понимание, что не суметь ей вырваться из ловушки чудовищной. И лежит соболица измученная, и тускнеют глаза её яростные, и остаётся

одна в мыслях сильная надежда... Сынок, сыночек! Он вырастет, он должен, он будет сильным... И как-то забывается, что малышу ещё надо подрасти, ему надо как-то выжить в этом опасном мире, ему нужна еда...

Остаётся только ждать своего неминуемого конца оставшейся жизни, глупо как-то всё произошло... Вдруг ледяные когти ужаса сжали сердечко юной матери-соболицы – тень ночного охотника мелькнула над дальними деревьями, тень злобного филина.

Нет, хотелось крикнуть соболице, не надо! Я тут, не лети туда, где мой сын, прошу! Не надо!.. Но из горла вырывался только хрип и облачко пара.

Всё пропало. Даже птицы угомонились, а впрочем, какое до них дело. Осталось только ждать охотника-человека, ведь это он поставил силки на поляне, до этого дня безопасной. Живи, сын, живи и покажи всем, что ты способен на большее, чем твоя глупая, жадная и неразумная мать...

***

Вечером Афанасий, проверяя силки на юго-западной оконечности охотничьих троп, обнаружил бесчувственную соболицу. Осторожно достав её из ловушки, крепко схватил хищницу за шкирку – ведь часто так бывало, что вырывались хитрые соболи – куда до них лисицам! – притворялись бездыханными, чтобы убежать резво в тот момент, когда достанешь их из ловушек.

Но этот соболь даже не пошевелился, хоть и был, по всей

видимости, ещё живой. Афанасий хмыкнул – окрас бурый, почти чёрный, за такую шкурку можно пару серебряников выручить, это хорошо. А ему надо проверить ещё несколько ловушек – вдруг и в них кто-то попался.

Охотник вскинул на плечо берданку, положил соболицу в заплечный мешок, где находились добытые ранее им зайцы и белки. Поправив лямки, тяжело переваливаясь и оставляя глубокие следы от лыж, отправился по своему маршруту, наслаждаясь прекрасной солнечной погодой.

***

Старый Мерген тяжело подлетел к дереву, громко хлопая крыльями. Так, так... Писк доносился отсюда. Филин приземлился на заледеневший выступ перед самым отверстием замёрзшего дупла. Ему хотелось быстрее достать оттуда еду, но как же это сделать?

Дырка для него была слишком маленькой – не то что голова, лапа не пролезла бы вовнутрь. Однако оттуда так вкусно тянуло добычей, что филин после непродолжительных раздумий решился.

Могучий кедр, много зим и вёсен просуществовавший на своём веку, такое – если бы только он имел глаза! – такое он увидел бы в первый раз.

Мерген, высоко поднявшись, разогнался в полёте и, выставив когти вперед, с шумом и грохотом врезался в снежно-ледяное месиво. От сотрясения с вершины вспорхнули парочка сонных поползней, и сухие прошлогодние иголки

посыпались с ветвей вниз, как проливной дождь. Но лед устоял, хотя и брызнула вокруг холодная и колючая крошка, да плач маленького соболёнка стал ещё громче. Старый охотник только потряс головой – звон в голове стоял сильный, и предметы странно двоились вокруг. Но в какую же ярость он пришёл, когда увидел, что вход в дупло, затянутый льдом, стоит цел-целёхонек! Не помня себя от злобы, бросился на непреодолимую преграду снова, и снова, и снова...

Судорожно трясущегося Мергена, едва держащегося в воздухе, буквально сводил с ума этот тоненький писк, именуемый плачем соболёнка. Дождавшись, когда пятна перед глазами улетучатся – он ими обязательно потом займётся, размышлял филин, очередные неизвестные ему ранее летуны неопознанного вида посмели перед ним хороводы выплясывать. Мерген начал очередной свой устрашающий полёт, но был остановлен неизвестно кем, задавшим неожиданный вопрос, произнесённым голосом холодным и спокойным:

– Чем это ты здесь занимаешься?

Не сумев удержаться на траектории полёта, филин кувирком полетел в кусты под могучим кедром. Когда Мергену, окончательно уставшему, удалось выбраться, он, не видя света белого, бросился на голос и... тут же упал на землю, взъерошенный и недовольный. Свалишься, однако, когда прилетает в тебя шишка еловая, и не одна, а несколько! И куда – в голову!

Кое-как сумев отплеваться от снега и старых кедровых

иголок, филин сел на ветку. Постепенно приходя в чувства, он поднял голову – туда, откуда в него прилетели подряд несколько шишек.

– Белка? – удивлённо-сердито прошипел он.

– Меня зовут Ляйсян³, – произнесла рыжая воительница, сидя на ветке рядом растущей ели, выше неприступного дупла. – Здесь тебе нечего делать, старый филин, летел бы ты отсюда.

– Ты-ы-ы... – страшно прошипел филин, раздуваясь от ярости. – Ты посмела бросить в меня шишки?! Да я тебя сейчас поймаю и съем!

– Если сможешь, то поймай! – белочка не растерялась от угрозы сидевшего внизу филина, она знала, что днём он видит очень плохо. – Я высоко сижу, и у меня хватает еловых шишек, а вот ты... Посмотри вокруг, сколько птиц расселось на ветвях деревьев и смеются над тобой? Посмотри, как ярко светит солнце. Что теперь скажешь, ночной охотник-одиночка?

Мерген почувствовал неловкую ситуацию и смутную угрозу. Однако разум старого хищника отказывался верить тому, что здесь, днём, один против большинства жителей леса он слеп и потому бессилён.

– Я вас всех съем... – злобно проклекотал Мерген.

---

³ Ляйсян – (толкование с тюркского языка) весенний дождь. Наделяет своего владельца показателем характера, которому подходит определение «вещь в себе».

– Ты нас всех съешь? – громко рассмеялась Ляйсян. – Ночью и по одному – может быть, но не здесь и не сейчас. Улетай. Улетай, пока можешь, иначе мне придется закидать тебя шишками.

– У-ле-та-й! У-ле-та-й! – стали хором кричать вокруг пташки.

Мерген злобно шурился, широко раскрывая клюв от своего бессилия, и смотрел по сторонам. Этот шум, это солнце и этот... страх? Филин почувствовал, что его прогоняют, и прогоняют всерьёз, почувствовал и испугался.

– Я вас всех запомнил, мелкие пернатые! Всех запомнил – слышите?! – всех вас обязательно найду и съем ночью! – злобно заклекотал старый Мерген, тяжело поднимаясь в воздух. – А с тобой, смелая Ляйсян, мы ещё встретимся, и тогда тебе точно несдобровать, – филин застыл напротив неё и, с трудом держась в воздухе, произнёс:

– Сейчас я улечу, и даже не буду тебя догонять, такую смелую и безрассудную. Думаешь, я не вижу, как дрожат у тебя лапки, как дёргается твой пушистый хвостик в неуклюжей попытке прикрыть свой страх!

– У меня в запасе много еловых шишек, – предупредила белка, но уже не таким смелым голосом.

– Оставь их себе, – расхохотался филин. – Я даю тебе возможность сейчас уйти, та, которая пришла внезапно, как весенний дождь. Запомни, смелая белочка, однажды я прилечу к тебе и задам вопрос: почему ты не дала мне возможность

съесть того, кто так отчаянно плачет в дупле? Не ошибись с правильным ответом, Ляйсян!

Старый Мерген захохотал и, заваливаясь на правое крыло, тяжело полетел в самую глухую чащобу леса – залечивать свои раны и ждать удобного случая. А совы и филины ждать случай умеют...

– Лети-лети давай! Знаем мы таких... – громко и уверенно произнесла Ляйсян. – Кто же прячется в замёрзшем дупле от старого филина? – произнесла она задумчиво.

А внутри лежал совсем ещё маленький соболёнок с чёрной шерсткой, мягкой, как пух, и едва открытыми глазками. Он неуверенно тыкался мордочкой в стороны, ища свою маму.

– Ох, чтобы мне год одними листьями питаться, это – соболю! – услышала Ляйсян свой голос как бы со стороны. – И что же делать с тобой? Где-то здесь ходит твоя хищница мама... Не хотелось бы мне с ней встретиться, но если всё же придется – всё ей выскажу!

– Не выскажешь, – прощелбетал любопытный клёст, присевший на веточку выше. – Не выскажешь – его маму из ловушки забрал охотник.

– Так что, выходит, малыш – сирота?

– Выходит, так, – равнодушно покачал головой клёст. Его интересовали больше запасы вкусных зёрнышек в еловых шишках, которыми так резво Ляйсян кидалась в филина, а не этот малыш.

– Я... забираю его к себе, – решительно произнесла Ляйсян. – Он погибнет здесь в скором времени, да и филин обязательно за ним вернётся, в покое он его не оставит – буду воспитывать малыша как своего сына.

– Глупая белка, – произнёс клёст, – он тебя съест и семью твою сразу, как только вырастет.

– Думаешь, он на это способен?.. – удивлённо произнесла

белка.

– Уверен, он же хищник, – взмахнул крылышками клёст, – оставь его и уходи к своим детям!

Маленький соболёнок вдруг пополз к Ляйсян, тыкаясь мордочкой из стороны в сторону, подползая к пушистому беличьему хвосту, обнял его лапками и тоненьким голосом произнёс первое слово:

– Мама...

Ляйсян обернула осторожно малыша хвостом, согревая своим теплом, задумалась, затем кивнула решительно и, взяв аккуратно в зубы за шкурку успокоившегося и довольного соболёнка, осторожно направилась в сторону своего домика, неторопливо перенося черный комочек с ветки на ветку.

– Глупая белка, – крикнул вслед клёст, – не говори потом, что я тебя не предупреждал!

Ляйсян, не обращая никакого внимания на последние слова, как ей показалась, нудной и недоброжелательной птицы, только махнула хвостиком и скрылась среди густых крон хвойных деревьев. Клёст устало вздохнул, посмотрев ей вслед. Сколько белок встречал, но эта – самая необычная. Недаром говорят, что у неё единственной в нашем лесу трое бельчат, остальные беличьи семьи похвастаться таким большим потомством не могли. Теперь вот будет четвёртый... бельчонок. М-да, забавно... Однако орешки сами из шишек не вылезут. Клёст запорхал крылышками и полетел, устремившись вниз – извлекать вкусные зёрна из смолянистых и

ароматных шишек.

***

Вредный бельчонок по имени Гордун смотрел по сторонам в поисках подходящей цели или незваных гостей. Птицы устроили шумные разборки в кустах неподалёку, привлекая к себе внимание, а на краю поляны показался серый исхудавший волк.

– Пли! – скомандовал вредный бельчонок, и его младшие сестрёнка Омка и братишка Лапик послушно перегрызли тонкую пихтовую ветку.

– Ау-у-у! – совершенно не по-волчьи завыл серый хищник, на хвост которого упал тяжёлый снежно-ледяной ком, весь в сучьях и веточках.

– Порази вас гром! Бельчата, ёлки-моталки! Ну я же вас не трогаю, что вы в самом-то деле – это я, Серко, пёс хозяйский, ау-у-у! – Серко завертелся вокруг своей оси, пытаясь выдернуть из-под упавшего снега свой хвост.

– Извини, ошибочка вышла, – произнёс тихонько самый вредный бельчонок Гордун. – В следующий раз надо с верхних ветвей снег сбрасывать, – ещё тише добавил он под радостный смех Омки и Лапика, – чтобы ему, псу хозяйскому, вообще неповадно было ходить по нашей поляне.

– Чего ты там сказал? – насторожившись, приподнял ухо Серко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.